

НА ЯЗЫКЕ ВОЙНЫ

Кровавый хаос войны на Украине властно повлиял на всю нашу жизнь — на все планы о будущем, на цены в магазинах, на заботы о детях.

Конечно же, эти события не могли не наложить неизгладимую печать на стихи наших известных писателей, которые заговорили на языке войны, знакомом нашим читателям со времён Великой Отечественной, если вспомнить Александра Твардовского или Константина Симонова. Вот он, язык новой отечественной, полыхающей на приднепровских и донецких просторах.

АЛЕКСАНДР ПРОХАНОВ

АЛЕЮЩИЙ ВОСТОК

Мой стих упал на дно сухого моря.
Ушёл на фронт, забыв полить цветок.
Лицо жены, померкшее от горя.
Блокпост, стрельба, алеющий восток.

Всю ночь в Донецке грохотали пушки.
Горел бетон, дымилась арматура.
В развалинах лежал убитый ГРУшник.
Зловещая войны архитектура.

Комбат убит. Мы молча пили водку
В прифронтовом дешёвом кабаке.
А рядом миномёты драли глотку,
И мины разрывались вдалеке.

Пронзённый в грудь, лежал на дне воронки.
Я был один, заброшен на земле.
В заре летели чёрные вороны,
И что-то хриплое они кричали мне.

В степи, на месте минного разрыва,
Где бинт лежал, разорван и кровав,
Растёт травы серебряная грива.
В народе имя ей — “разрыв-трава”.

Кто ты, светловолосый украинец?
Кого любил? В каком посёлке жил?
Кому на праздник привозил гостинец?
Будь проклят час, когда тебя убил.

В пшеничном поле два подбитых танка.
Я заглянул в распахнутые люки.
Танкистов обгорелые останки,
На пулемёте скрюченные руки.

Как воск, потёк железный ствол винтовки.
Платок жены по небу гонит ветер.
Мокры, как кровь, в газетах заголовки.
Я умер и проснулся на рассвете.

. . .

Девушка в холщовой вышиванке.
Поцелуи сладкие, как мёд.
На рассвете появились танки.
Я стянул с плеча гранатомёт.

. . .

Мы ночью охраняем мост,
Отец и мы, его два сына.
Когда б ты знала, сколько в небе звёзд —
Зелёных, белых, синих.

Пусть ты издал последний крик,
Но жить не перестал.
Твой луч пройдёт в смертельный миг
Сквозь пламенный кристалл.

. . .

Железных мух назойливое пенье.
Багровые зарницы вдалеке.
Я помню, как на празднике Успенья
Ты подошла в сиреновом платке.

Они его втроём забили в угол.
Железный прут без устали хлестал.
В миру он добывал донецкий уголь;
Став ополченцем, умер за Христа.

Мой дед снискал “Георгия” и славу,
А мой отец погиб под Сталинградом.
Я пережил шестнадцать войн кровавых.
Теперь лежу под украинским “градом”.

. . .

Ваши алые знамена,
Ваши рыжие чубы.
Огневые батальоны
И простреленные лбы.

. . .

Кто поднял бурю? Кто за ней грядёт?
Чей лик узрим? К какому исполину
Прильнут народы? Кто перегрызёт
Истории гнилую пуповину?
Взял карандаш, провёл стрелу на карте.
Стрела была упряма и красна.
Пошли полки. Так по молитвам, в марте,
Вновь начиналась Русская Весна.

Среди полей пшеничных, минных,
Где я стрелял и кровью харкал,
Вставал, как розовый фламинго,
В лучах зари разбитый Харьков.

Жилой квартал месили “грады”.
Их оборона шла на убыль.
Убит комбат. Ему наградой
Послужит мёртвый Мариуполь.

Я бил в упор по амбразуре.
Кругом свинца и стали пляска.
На обгорелой арматуре
Висела детская коляска.

Сначала били самоходки.
Потом мы шли на этажи.
Сходясь, зубами рвали глотки.
Исход решали штык-ножи.

Я матерился зло и глухо.
Мне не давался этот дом.
Лежала мёртвая старуха
В своём платочке голубом.

. . .

Мне врач пришил оторванную ногу,
Скроил лицо, порезанное миной.
Так, дом за домом, трудно, понемногу
Россия прирастала Украиной.

Он был подхвачен буйной круговертью,
С одной войны к другой перелетал.
Всю жизнь он гнался по пятам за смертью
И вот сегодня, наконец, догнал.

“Мой милый, мы умрём когда-нибудь”, —
Так в детстве моя мама говорила,
Но пуля постучала громко в грудь
И мне в бессмертье двери отворила.

. . .

Восстань из сумрачного бреда.
Очнись от призрачного сна,
Моя прощальная победа,
Моя последняя весна.

. . .

Колонны шли от Брянска и Ростова.
Ракетчики высматривали цель.
В глухом селе с распятия Христова
Летела на пол красная капель.

. . .

Небес насупленные брови,
Озёр закрытые глаза.
Всё безответней и суровой
На нас взирают образа.

В селе был враг, и мы ввязались в драку.
Вели огонь из всех железных трубок.
Я помню, как трёхногая собака
Несла в зубах своей ноги обрубок.

Где городов истерзанные лица,
Где на полях прошедших танков след,
Где за селом вишнёвый сад дымится,
Там я в него всадил боекомплект.

. . .

Текли и плавилась стволы.
Ревели бомбы и фугасы.
Нам подавали на столы
В котлах проваренное мясо.

Врач с блестящею иглою.
Лоб обмотан красной марлей.
Я лежал, и надо мною
Танцевал кровавый карлик.

Веков запутанная чаша.
Полков безвременный поход.
Горит закат. Россия пьёт
Свою отравленную чашу.

Войска дрались упорно и бесстрашно.
Разбитых городов дымились груды.
Но за спиной, в тени кремлёвской башни
Свой поцелуй выращивал Иуда.

Как хороши, как свежи были танки.
Как глубоки под Харьковом окопы.
Мы хоронили бранные останки
Когда-то восхитительной Европы.

На флангах бились ополченцы.
Нам не сдавался Угледар.
По центру двигались чеченцы.
Я слышал их “Аллах Акбар”.

Твой род возрос из Центороя.
Идешь в огонь, отважный горец.
Герой страны и сын героя,
Чечни бесстрашный ратоборец.

Крошили пулемёты вкривь и вкось.
Горел “КамАЗ“, на поле боя брошен.
Хрипя, я распрямлял земную ось,
Сгибаясь сам под непосильной ношей.

Скажи мне, кудесник, любимец полков.
Мой мудрый и строгий куратор,
Когда же над кромкой седых облаков
Пятнистый мелькнёт “Аллигатор”.

Та с жёлтым клювом, тот с собачьей гривой,
А тот с клешнёй, а та с железной бровью.
Две старых ведьмы нежатся игриво.
Россия их выхаркивает с кровью.

Они бежали, побросав дворцы,
В страну отцов, от ужаса немея.
Бежали горя русского творцы.
Так от пожара уползают змеи.

Ты нас спасла от пыточного ада.
Мы верили в тебя с петлёй на шее.
Победа, ты волшебная лампада,
Горящая над сумрачной траншеей.

Её насиловал и продолжал курить
Среди истлевших курток и тужурок:
“Теперь ты, сука, станешь говорить?”
И о живот ей погасил окурок.

Мы приехали на хутор близ Диканьки
На разбитом изуродованном танке.

Нас разрывали бомбы и ракеты.
Вошли в село, колонной пыльной стали.
Нас женщины встречали без букетов.
Своих детей они под танки клали.

Два топора, две сумрачные плахи.
Сипит палач. Безмолвствует народ.
Две женщины, две белые рубахи,
Босые поднялись на эшафот.

В монастыре, в его соборе чистом,
Наперекор наветам и вражде,
В святую ночь, пред образом лучистым
Монахини молились о вожде.

Где мне найти слова неизречённые?
Пропеть псалом: “Господь, помилуй нас?”
Монахини, как траурницы чёрные,
Летят на золотой иконостас.

По уголкам шептались царедворцы.
Тянул измены едкий сквознячок.
Ты мне сказал: “Блаженны миротворцы”, —
Навёл прицел и надавил крючок.

О, города! О, взорванные горы!
Где ваших дев и юношей краса?

Идут гуманитарным коридором,
Под их ногами — алая роса.

Моей судьбы разбитые чертоги,
Моей души разорванные струны.
Он был убит в пшенице при дороге,
И на плече его темнели руны.

. . .

Пули пели соловьями,
Заливались.
Наземь падали славяне,
Убивались.

. . .

В том переулке, танками измятом,
Я норовил всадить в него обойму.
Он покрывал меня шахтёрским матом.
Я отвечал. Мы продолжали бойню.

Домов разрушенные глыбы.
Под фонарём забытый труп.
А вы ноктюрн сыграть могли бы
На флейте миномётных труб?

Оставь обман слепых гаданий,
Игру пустопорожних версий.
Пятнадцать точных попаданий.
Пятнадцать пулевых отверстий.

Скажи мне, бабочка-белянка,
Лугов цветущих полонянка,
Не ты ль та девушка была,
Что мне веночек заплела?

Букет воспоминаний яркий.
Ни одного не оброни...
Тот запах танковой солярки,
Тот холод танковой брони.

Весенняя, намокшая от слёз,
Над Родиной, изрезанной фронтами,
Победа, ты летишь в венке из роз,
Обмотана кровавыми бинтами.

Двое с утонувших кораблей,
Мы с тобою в буре уцелели.
Стаи деревянных журавлей
Поднялись с могил и улетели.

Хрустел Урал, дрожала Волги жила,
Рвалась границы призрачная лента.
То распрямлялась русская пружина,
Скрипучие сдвигала континенты.